

Юнь Сяо смотрела, как он уходит. На раме окна осталась изящная коробочка с узором из цветов груши. Внутри лежала заколка — та самая, которую она уже видела. Говорили, её создал некий искусный мастер, таких было всего несколько, и стоила она целое состояние. Девушка приподняла бровь, закрыла коробку и отбросила её за ширму.

Казалось, мысли, посеянные Цяо Чжэном, нарушили её покой. Она почувствовала лёгкую усталость, и бесконечные раздумья поутихли. Перед самым сном она вспомнила его имя и вдруг захотела узнать, как зовут того, в тёмных одеждах.

Шло время, Юнь Сяо жила обычной жизнью. Она отнесла высушенные травы в аптеку.

Только вышла за порог — видит: у двери длинная коробка, а в ней пейзажный свиток. Она вздохнула и тоже отправила его за ширму. В последние дни, хоть Цяо Чжэн и не появлялся, он каждый день оставлял у её двери что-нибудь. То редкие лакомства, которые с утра не сыщешь в Области Янь, то диковинный цветок, сорванный с опасной скалы, то бесценную картину, то уникальный экземпляр сборника необычайных историй, то полное искренности письмо с извинениями.

Хотя Цяо Чжэн и казался Юнь Сяо навязчивым, эти ежедневные сюрпризы, расцветивавшие её жизнь, всё же радовали. Первый день она провела в тревоге, но время — странный целитель — смягчило чувства: от первоначального отвращения она перешла к лёгкой улыбке при виде этих знаков внимания. Пусть она и понимала его цели, бдительность её ослабела.

Задача Юнь Сяо была особой, и, кроме её наставника, почти никто не знал, зачем она здесь. Вольного опыта у неё было мало, душа — чиста, и уловок старых мастеров она ещё не понимала. Потому и сильной неприязни не питала, а прочтя письмо с извинениями, и вовсе смягчилась. Однако среди ночных снов ей явился образ наставника. Юнь Сяо проснулась в холодном поту, поняв: нельзя допустить, чтобы слух о присутствии ученика Чаотяньцюэ в Области Янь разнёсся по вольному миру. Она использовала особый метод клана, чтобы донести о Цяо Чжэне и незнакомце до сведения Чаотяньцюэ. Через несколько дней пришёл ответ — письмо от наставника. В нём не было приказов, лишь повторяющиеся наказания беречь себя. Зато она наконец узнала, кем был тот человек: Цзин Юаньчжэнь, известный как «Господин Цянь Юй». Сердце её похолодело.

В тот день, выходя из аптеки, Юнь Сяо почувствовала, что за ней следят. Оглянулась — Цяо Чжэн.

В конце концов они оказались в чайной. Чайный мастер, налив им чаю, удалился. На поверхности напитка пенились «снежные цветы», что выглядело очень изящно. Юнь Сяо и сама не поняла, как здесь очутилась, но Цяо Чжэн казался озабоченным. Он сразу перешёл к делу: «Скоро я уезжаю. Не стану больше выпытывать у тебя дела Чаотяньцюэ. Но ты ещё молода, а ваш клан, наверное, дорожит скрытностью».

Юнь Сяо слегка сжала губы: «Я изначально не имею к Чаотяньцюэ отношения, потому и болтать не стану. Но если будешь и дальше взваливать вину на других, сам наживёшь беду».

Цяо Чжэн вздохнул: «Ладно. Ты, наверное, и другим всегда будешь так говорить».

Юнь Сяо посмотрела на него: «Я не связана с Чаотяньцюэ. Твои извинения я приняла. Но забери свои подарки — они мне не нужны».

Взгляд Цяо Чжэна стал мягче: «Но они тебе очень идут».

Юнь Сяо с детства видела немало драгоценностей, да и дома их хватало. Хотя подношения Цяо Чжэна и были исполнены заботы, принимать такие дорогие вещи она не хотела: «Безвинный, но владеющий сокровищем, становится виноват. Эти вещи стоят целые состояния, а я простая девушка — не удержать мне их».

Цяо Чжэн ответил: «Именно девушка, способная отвергнуть богатство, и достойна его».

Юнь Сяо смотрела на него: «В вольном мире много красавиц-воительниц, многих превосходят в искусстве, добродетельных — и вовсе не счесть. Я же всего лишь служанка из Павильона Линфан и не заслуживаю такого внимания господина Цяо. Прошлое прощаю. Надеюсь, ты заберёшь эти вещи и отдашь их тому, кому они подойдут».

Цяо Чжэн в последний раз взглянул на неё. Выражение её лица было серьёзным, не шутливым. А глаза, полные чистоты, смотрели так, что он наконец отыскал в своей чёрной, как масляная каша, душе крупицу совести. Ему не хотелось обманывать такую девочку: «Будь ты вправду служанкой из Павильона Линфан, ты бы не знала им цену. Эти вещи появлялись лишь в столице, на них нет клейм мастера или места. Они просто кажутся изящными. Не узнавший их не поймёт истинной стоимости. Ты точно из столицы».

Юнь Сяо помолчала. Сердце ёкнуло. Выходит, даже искренние извинения были лишь коварной проверкой.

Она тоже устала от этой игры: «Я и вправду связана с Чаотяньцюэ. Но если я откроюсь, поверь, и тебе несдобровать».

Цяо Чжэн, услышав признание, остолбенел. Хотя он и проверял её разными способами, он не ожидал, что она и вправду признается. Ведь Чаотяньцюэ подчиняется двору, обременено множеством ограничений, и скрытность — первая заповедь. Цяо Чжэн понял: теперь ему не стоит покидать Область Янь. Тот, кто так признаётся, в Чаотяньцюэ явно не рядовой ученик.

Лицо Юнь Сяо стало холодным: «Так ты собираешься доложить господину Янь, хозяину павильона?»

В её тоне Цяо Чжэн уловил разочарование, но продолжил: «Я тебя проверял. Ты появилась здесь несколько лет назад, потом кто-то дал за тебя поручительство, и ты стала служанкой при молодом господине в одном дворе. Потом я стал искать тех поручителей — оказалось, они ничего не помнят, да ещё и рассудок временами мутится. В вольном мире есть искусство иллюзий — симптомы как раз такие. Только не пойму я, что такого ценного в Янь Минчжоу, чтобы дворовые заинтересовались? Неужели богатства, что он вынес с Горы Гуйянь?»

Цяо Чжэн изначально приехал ради карты сокровищ Наставника государства Цяньсяо. Если Чаотяньцюэ тоже за ней охотится, то и ему стоит проявить интерес. В глазах вольного мира Чаотяньцюэ служит двору, и хоть с уходом основателя о нём давно не слышно, те давние события заставляли Цяо Чжэна содрогнуться. В мире говорили, будто Чаотяньцюэ клонится к упадку, учеников почти не осталось, но в тот день они в мгновение ока лишили жизни старого мастера, замели следы, и никто в вольном мире так и не узнал, кем тот был убит. С того дня Цяо Чжэн начал отслеживать пропавших или загадочно погибших вольных героев. Число вроде бы невелико, но, кажется, каждый из них некогда гремел на весь мир.

Оглядываясь сейчас, он понимал: из тех, кто когда-то блистал, половина уже полегла. Цяо Чжэн не мог представить, сколько рук Чаотяньцюэ приложилось к этому.

Вообще-то, начав расследование, он руководствовался лишь любопытством. Вольных школ —

легион, учеников — тьма, у каждой школы свой стиль. Да и живёт большинство вольников вольно и беспечно, вступая на путь, уже заложив жизнь, — стычки и схватки дело обычное, кровь и смерть неувидительны. Пугало в Чаотьянцюэ другое: казалось, они действуют по плану, очищая мир мастеров, оставаясь в тени, таясь в покое.

Конечно, это были лишь его догадки, и никому он о них не рассказывал. Во-первых, боялся спугнуть, во-вторых, сам не был из числа «праведных», горячей преданности у него не водилось. Он бывал в Чаотьянцюэ — это на высокой горе к западу от столицы, ныне давно заброшенное место. Да кто бы поверил?

Цяо Чжэн смотрел на Юнь Сяо. Он знал: встретить такого неискушённого ученика Чаотьянцюэ — редчайшая удача. Потому и действовал осторожно, пытаясь выведать её школу.

Юнь Сяо отхлебнула чаю. Он показался горьким, словно слился с тоской в сердце. Не понимала она, за что его многие любят.

Голос её прозвучал глухо: «Узнай ты на самом деле мою цель — сомневаюсь, что вышел бы живым из Области Янь. Да и ты вправду уезжаешь или просто ловишь меня на слове?»

Будь это кто другой, Цяо Чжэн ответил бы жёстче, но выражение лица Юнь Сяо было слишком уж потерянным, и угроза не звучала убедительно. В его сердце шевельнулась странная мягкость. Может, он и представлял Чаотьянцюэ грозной силой, с которой шагу ступить нельзя, но Юнь Сяо ни капли не соответствовала его ожиданиям. Резкий контраст лишь подстегнул интерес, а её чистота и невинность притягивали такого, как он, кто за долгие годы вольной жизни давно растерял совесть.

Цяо Чжэн усмехнулся в ответ: «Как же тебя в школе учили? Если хочешь, чтобы человек хранил тайну, такие вялые угрозы бесполезны».

<http://bllate.org/book/16277/1465466>